

М.В. Попов (УрГППУ)

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И «БОРЬБА ПРОТИВ РЕЛИГИИ» В 1930-е гг. (на материалах Урала)

В начале XX в. в знаменитом сборнике «Вехи» П.Б. Струве писал «...безрелигиозный максимализм отменяет проблему воспитания (выделено нами – *М.П.*) в политике и в социальном строительстве, заменяя её внешним устройством жизни...»¹.

Особенно наглядно правоту этого тезиса показывает проводимая большевистским руководством «антирелигиозная деятельность» в ходе так называемой «революции сверху» в 1930-е гг., когда антирелигиозное воспитание в большей степени стало превращаться в «борьбу против религии», а точнее против церкви.

С точки зрения деятелей «антирелигиозного фронта» того времени главной задачей в начале 1930-х гг. становится не атеистическая пропаганда, а ликвидация церковной организации, прежде всего административными методами. Поэтому в конце 1929 г. был установлен упрощенный порядок закрытия церквей, при котором их ликвидация не требовала одобрения со стороны ВЦИК Советов, а осуществлялось полностью на местном уровне. Рассмотрением дел о закрытии церквей в Уральской области занимался административный отдел исполкома Уральского областного совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов (обладмотдел), в который поступали материалы от окружных и районных советов.

Если до конца 1929 г. были единичные случаи закрытия церквей, то с начала 1930 г. в областном исполкоме стал поступать целый поток дел о закрытии молитвенных зданий. По данным этого отдела, за время существования Советской власти до конца 1929 г. было закрыто 228 церквей, мечетей, синагог и т. д., а за 20 дней января 1930 г. было ликвидировано 176 молитвенных зданий². В Свердловске в феврале того же года было закрыто сразу несколько храмов: это Успенский собор и Нагорная церковь Верх-Исетского завода, Екатерининский собор, Златоустовская церковь, Рязановская церковь и Лузинский храм³. В одном населенном пункте оставляли минимальное количество церквей, а нередко и ни одной под предлогом близкого расположения церкви соседнего населенного пункта. Например, в Ирбитском округе в начале 1930 г. было

закрыто 223 из 230 имеющихся культовых зданий⁴. Характерно, что единственной инстанцией, имеющей возможность отменить решение областного отдела о закрытии той или иной церкви, были органы ОГПУ, то есть политического сыска. В газете «Уральский рабочий» в январе 1930 г. была помещена статья, где было сообщено об отказе ОГПУ в разрешении закрыть церковь в посёлке Троицком Красноуфимского района и уже закрытая церковь была вновь открыта⁵. Однако факты подобного рода были единичными, как правило, ОГПУ решение административного отдела облисполкома о ликвидации молитвенных зданий утверждало.

Другим направлением «борьбы против религии» большевистское руководство считало создание общества, противопоставлявшего себя церковной организации. Массовое расширение состава Союза безбожников (в 1929 г. он был переименован в Союз воинствующих безбожников – СВБ) имело место в 1930-е гг. В октябре 1932 г. в Уральской области было 240 тыс. членов СВБ, или в 7,5 раза больше, чем в июле 1929 г.⁶ Под административным нажимом в СВБ механически зачислялось всё трудящееся население, даже люди, не порвавшие с религией. Имело место противопоставление «безбожников» и верующих, причем к последним относились как к людям второго сорта. Ослабление административного нажима в середине 1930-х гг. привело к уменьшению численности Союза воинствующих безбожников, в том числе на Урале. В 1936 г. в Свердловской области «безбожников» было более 61 тыс.⁷, а в 1937 г. в Челябинской области около 10 тыс.⁸

В 1930-е гг. изменились и формы деятельности Союза безбожников. В официальной идеологии религия провозглашалась «врагом социалистического производства», утверждалось, что «социалистическое хозяйство и религия являются несовместимыми явлениями», и, наоборот, отказ от религии – одно из решающих условий повышения производительности труда на заводах и в колхозах. Именно поэтому Союз воинствующих безбожников принимал активное участие в создании ударных «безбожных бригад», «безбожных» предприятий, цехов, колхозов и совхозов. Например, в 1930 г. ячейками СВБ в Уральской области было организовано 67 ударных «безбожных» бригад⁹. В 1934 г. в Свердловской области было три «безбожных» колхоза, члены которых считали себя «активными борцами против религии»¹⁰. Подобная деятельность отождествлялась, по сути дела, по своему воздействию на личность с проведением атеистической, воспитательной работы. Пути формирования мировоззрения и нравственности человека упрощались до предела.

Практика подмены воспитания и убеждения в атеистической работе административными методами имела место и после того, как Конститу-

ция 1936 г. объявила о свободе совести и функционирования религиозных организаций в стране.

Типичным является пример того, как местная администрация не допустила открытия по требованию граждан и церковного совета церкви в Тазовском сельсовете Березовского района Пермской области весной 1939 г. Прибывший из Москвы священник под предлогом неправильного оформления документов был отправлен милицией обратно в столицу. Райком партии из «крепких партийных работников» организовал специальную бригаду, которая, прибыв в Тазовский сельсовет, провела собрание колхозников. Под давлением районных активистов большинство собравшихся вынесло решение церкви не открывать¹¹.

Более того, в ряде случаев в конце 1930-х – начале 1940-х гг. деятельность священнослужителей и верующих по созданию молитвенных зданий и религиозных общин рассматривалось властями как контрреволюционная, а сами священнослужители объявлялись уже не классовыми врагами, а «врагами народа». Так, в отчете Свердловского областного совета Союза воинствующих безбожников отмечается, что в 1939 г. в области было «раскрыто 5–6 контрреволюционных организаций»¹². Деятельность этих «организаций» в большинстве своем сводилась к агитации за создание религиозных общин, за сбор средств на открытие храмов и т. д.

Вопрос об отношении к религии был включен в опросный лист Всесоюзной переписи населения 1937 г. Как показали результаты переписи, несмотря на административный нажим и угрозы при её проведении, лишь 43% принявших участие в опросе заявили, что они неверующие. Что касается женщин, то лишь 33,2% указали, что они не верят в бога¹³. В отчете о ходе переписи в Пермском районе счетчики, проводившие перепись, указывают, что опрашиваемые заявляли, что хотя и опасаются административных мер со стороны властей в отношении себя, тем не менее не боятся указать в переписном листе, что они верующие. Вот характерное высказывание опрашиваемого, приведенное в отчете: «...в душе вот что-то есть, что выше нас... какая-то сила, хотя богу не молюсь давно, но все-таки пиши (в переписном листе – *М.П.*) – верующий»¹⁴. Таким образом, большинство населения в стране, в том числе на Урале, оставалось верующим.

На IV пленуме Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР в начале 1938 г. признавалось, что в сельской местности до 70% жителей являются верующими, хотя в деревнях и селах, где они проживают, почти не осталось церквей и священников¹⁵.

Примечания

1. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции (1909). С. 159.
2. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 186. Л. 6.
3. Там же. Д. 822, 549, 522, 529, 528, 434.
4. Там же. Д. 126. Л. 132.
5. Уральский рабочий. 1930. 25 янв.; ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 126. Л. 45.
6. Подсчитано по данным: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1264. Л. 65; ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 614. Л. 85.
8. Партработник Орган Челябинского обкома ВКП (б). 1937. № 7. С. 39.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 666. Л. 67.
10. Там же. Оп. 12. Д. 416. Л. 193.
11. ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 261. Л. 37.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 226. Л. 12.
13. Подсчитано по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 41, 43.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 138.
15. Антирелигиозник. 1938. № 2. С. 18.

М.Н. Поспелова (ИИиА УрО РАН)

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В 40-е годы XX века (На материалах Уральского региона)

Сегодня достаточно часто, на улицах или дома, мы наблюдаем следующие типичные ситуации: маленький мальчик начинает плакать, а мама или кто-то из окружающих говорит ему «настоящие мужчины не плачут» или «ты ведешь себя как девчонка»; бывают и противоположные ситуации, когда напроказившей девочке мама говорит, что «у неё растет маленький бандит» или что «настоящие девочки так себя не ведут» – эти примеры свидетельствуют о формировании у детей гендерных ролей, стереотипов, предрассудков, установок, т.е. основных элементов гендерной идентичности¹.

Родители формируют пол² ребенка на основе собственных представлений и представлений общества о том, что является мужским или женским. Основным фактором формирования идентичности является гендерное поведение самих родителей. Современные российские родители формируют гендерную идентичность на базе сложившейся на сегодня в России гендерной ситуации, особенности которой обусловлены развитием советской гендерно-нейтральной³ системы 40-х гг. XX в. и её эволюции.